

могло бы оскорбить греков. Достигнув же ровных мест, не представляющих трудностей пути, они обнаружили враждебные замыслы: отнимали силой то, что следовало бы купить, а того, кто сопротивлялся, умерщвляли мечом. Король Конрад несколько не беспокоился, что являлись жалобы, и не хотел ничего слушать; а если и выслушивал, то ссылался на необузданность толпы. Когда дошло то до императора, он выслал против них с войском, поспешно собранным, Прозуха, известного своими воинскими доблестями¹. Прозух настиг варваров под Адрианополем; сначала он следовал за ними на близком расстоянии и не позволял производить беспорядков; но, наконец, видя, что их неистовство увеличивается, он вступил с ними в явную борьбу по следующему случаю. Один из знатнейших немцев, захворав, слег в монастыре в Адрианополе, имея при себе деньги и другие богатства. Несколько пленных людей из греков, проведя о том, сожгли его вместе с жилищем и овладели дельгами. Когда об этом узнал Фридрих, племянник Конрада (Барбаросса), человек невероятно жестокий, дерзкий и гордый, он направился к Адрианополю и, предупредив двумя днями Конрада, сжег весь монастырь, в котором лежал тот немец, и дал тем повод грекам к войне со своими. Прозух, напав на Фридриха, обратил его в бегство и убил варваров во множестве. Это был тот самый Фридрих, который впоследствии наследовал Конраду у немцев, как мы то объясним со временем. С тех пор немцы, изведая на деле силы греков, прекратили свои неистовства.

В главе 14 автор описывает дальнейшие стычки греческих отрядов с крестоносцами; греки старались отклонить Конрада от Византии, но Конрад, несмотря на страшное наводнение, от которого пострадал его лагерь, успел приблизиться к стенам столицы; видя, однако, готовность ее жителей к обороне, он отошел в соседнее местечко Пикридий и оттуда вступил в переговоры с Мануилом, как то автор рассказывает в следующей главе.

¹ Прозух был турок по происхождению, воспитывавшийся в Византии.

15. Это (переговоры) произошло следующим образом. Конрад после прибытия в Пикридий отправил к императору письмо с содержанием вялым и слабодушным, смысл которого был следующий: «О, император, муж благоразумный судит о вещах не по ним самим, а по цели, которой ими достигают; тот же, которого дух предупрежден, весьма часто не реняется похвалить хорошее и осудить дурное, и таким образом он часто принимает за благодеяние поступки врагов и негодует на друзей. Потому не слагай на нас вину того, что было совершено в твоих владениях вследствие неустойчивости и многочисленности войска; не возмущайся против нас за то, в чем мы несколько не виноваты: все это произошло от необузданности толпы. Я несколько не изумляюсь тому, что во время прохождения чужеземного войска, которое нуждается в отдаленных фуражировках для прискакивания продовольствия, могут случиться несправедливости с обеих сторон». Это и тому подобное писал *немец*. Император же, видя в его словах одни увертки, отвечал ему следующим образом: «Нашему величеству неизвестно, как склонна бывает к неистовствам чернь, которой столь трудно управлять и сдерживать. А потому мы особенно заботились о том, чтобы вы, пришельцы и чужестранцы, не потерпели никакого бедствия при прохождении по нашим провинциям, тем более, что вы пришли не со злыми умыслами и не можете причинить нам оскорблений; так бы то и произошло, если бы мы не услышали, что вы нарушили законы гостеприимства. Но вы, мужи благоразумные и ясно понимающие сущность вещей, не находите в том никакой вины, и мы приносим вам благодарность за то; ибо и нам не следует после того заботиться об укрощении нашей черни; мы будем также приписывать все ее необузданности, как вы нас тому учитесь. В нашем интересе было бы не папать вразброд и не скитаться по чужой земле. Если же кто иначе думает, и с обеих сторон отдельные партии того и другого войска получают позволение папать на кого угодно, то нет возможности, чтобы пришельцы не пострадали от туземцев».